

1/30

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. **НОВЫЙ** САТИРИКОН

№ 52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ 1915
24 ДЕКАБРЯ

Рис. Ре-ми.

При этомъ номеръ разсылается бланкъ для перевода подписныхъ денегъ на журналъ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“. Не получившихъ бланка просятъ заявить объ этомъ въ контору „Новаго Сатирикона“, Невскій, 88.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ

ЕЛКА MODERNE.

Въ виду дороговизны дровъ, а, слѣдовательно, и елокъ, небогатая семья устраиваетъ елку, приглашая для этой цѣли бѣднаго безработнаго родственника...
Дѣтки веселятся еще больше, чѣмъ раньше.

Подписная цѣна на 1915 годъ на 1 мѣсяць 60 коп.

ВАЛЯ.

Разсказъ Х. А. Мэффи.

Мнѣ шелъ двадцать первый годъ.

Ей, моей дочери — третій.

Мы были въ очень хорошихъ отношеніяхъ. По крайней мѣрѣ, я считала ее очень умной и красивой женщиной.

Она, кажется, тоже отдавала мнѣ должное. Какъ-то даже сказала, поглаживая меня по щекѣ теплой и сладкой отъ мармеладки ладошкой:

— Ты моя класавица, у тебя, какъ у слоника, носикъ.

Это была явная лесть, но во всякомъ случаѣ показывала ея доброе ко мнѣ отношеніе и высокое мнѣніе о моей на- ружности.

Но несмотря на всѣ доказательства ея уваженія, я начала замѣчать послѣднее время, что она какъ-то странно думаетъ обо мнѣ.

Однажды видѣла я, какъ она, заткнувъ себѣ за ухо ка- кую-то голубую тряпку, долго гордо поворачивалась передъ зеркаломъ и приговаривала:

— Очень класиво! Очень идетъ!

Всѣ ужимки, всѣ повороты были мои.

Неужели я такъ вертѣлась? И такъ приговаривала? Ужасъ, ужасъ! Нужно слѣдить за собой! Несчастнѣй ребен- окъ — какой ужаснѣй примѣръ.

Я чуть не плакала и три дня даже причесывалась безъ зеркала.

Другой разъ я увидѣла въ ней себя въ еще худшемъ видѣ: она лежала на диванѣ, болтала ногами и кричала:

— Няня-а! Няня-а!

— Чего тебѣ? — отвѣчала нянька изъ дѣтской.

— Не плиставай ко мнѣ, мнѣ некогда.

Неужели и это я? Такъ вотъ какъ она обо мнѣ думаетъ! Въ ея представленіи я ничего не дѣлаю и кричу, что мнѣ некогда.

Было очень горько и обидно. Нужно послѣдить за собой. Я мать, на мнѣ вся отвѣтственность за будущность моего ре- бенка.

Притихла, стала кроткой. Она это замѣтила и быстро приняла со мной покровительственный тонъ. Я и это стер- пѣла и только разъ упрекнула ее и то настолько витѣвато и иносказательно, что воспитательнаго значенія это, пожа- луй, никакого не имѣло.

Дѣло было такъ: когда началась предпраздничная уборка и всѣ кухонныя бабы расползлись по комнатамъ съ тряпками и мочалками, она, моя дочь, пришла ко мнѣ съ какимъ-то лоскуткомъ и, крихтя и приговаривая, старательно вытерла этимъ лоскуткомъ весь полъ въ моей комнатѣ. А я поощряла ее и похваливала.

— Валенька паинька, хорошая работница.

Потомъ оказалось, что лоскутокъ этотъ вовсе не лоску- токъ, а мой завѣтный носовой платокъ, обшитый, какъ увѣ- рялъ продавшій его приказчикъ, «настоящими поддѣльными кружевами». Платокъ этотъ, надушенный и нѣжный, цар- ственно лежалъ въ шелковой коробочкѣ, и на немъ строи- лось много радостей моей будущей жизни. Какъ буду я жить въ большомъ городѣ, и поѣду на большой балъ, и на балу ста- нетъ жарко, и я такъ, чуть-чуть и совсѣмъ не важничая, начну обмахиваться этимъ платкомъ, и какъ всѣ удивятся его красотѣ, можетъ быть, и виду не покажутъ, а я-то пойму, что удивились. И сразу всѣ догадаются, что я важная дама, хоть и держу себя просто. И вся жизнь пойдетъ такая чу- десная — можетъ быть, даже кто-нибудь полюбитъ меня — почтительно и нѣжно.

А теперь, вмѣсто платка, одна грязная, безнадежно жал- кая тряпка.

— Гдѣ ты достала мой платочекъ, Валя?

— А тамъ, въ колобоцкѣ.

— Знаешь, Валя, — сказала я, помолчавъ, чтобъ не слишкомъ сильно дрожалъ голосъ, знаешь, я читала, что бы-

ваютъ такія несчастныя паучихи, у которыхъ, какъ рождаются дѣтки, такъ они сейчасъ паучиху и съѣдаютъ... Я ничего, Валенька, я только читала.

Валя заинтересовалась.

— Съѣдаютъ? Свою маму?

— Да, съѣдаютъ.

— Сырую? Сырое ѣсть нельзя. Правда, нельзя?

Я не спорила. Вѣдь это были мои слова, я такъ говорила, когда она отнимала отъ меня яблоко.

Въ сочельникъ вечеромъ я разбирала елочные картонажи. Были удивительныя штуки!

Ватный зайчикъ съ барабаномъ, уютный и ласковый, се- ребряный слонъ съ большимъ голубымъ глазомъ и страусо- вымъ перомъ въ головѣ — видно, что могущественный и доб- рый; трубочистъ съ золотой лѣсенкой, черный, но совсѣмъ не страшный — вѣрно изъ тѣхъ, что только по ночамъ въ трубу залѣзаютъ, чтобъ погудѣть, когда дѣти не слушаются. А въ маленькой коробочкѣ отдѣльно лежало что-то такое хрупкое, сверкающее, необычайное, что я сразу невольнѣ по- думала:

— Ну, а ужъ это я возьму себѣ.

«Это» оказался ангелочекъ въ голубой рубашечкѣ съ под- жатыми ножками, чтобъ удобнѣй было лежать, и нѣжными стеклянными крылышками. А на головѣ у него, что большая рѣдкость у ангеловъ, были настоящіе человѣческіе волосы, золотые, завитые въ локоны.

— Его я возьму себѣ, потому что она все равно еще ни- чего не понимаетъ.

Рѣшила на елку его даже и не вѣшать, а унесла прямо къ себѣ въ комнату.

И всю ночь мучилась:

— Не хорошо такъ, — думала. — Всякую дрянъ развѣ- сила, а что получше, небось, для себя и припрятала. Хороша мать!

Зажигала лампу, вынимала ангелочка.

Крылья ужъ очень хороши. Кабы не крылья, можно было бы, пожалуй, уступить. И потомъ, волосы. Вѣдь это же, надо понимать, до этого надо дорасти. Хрупкій весь, нѣжный, а розовый. Вскромъ пахнетъ и шоколадинкой. Туловище и крылья на резиночкѣ. Если въ воздухъ покачать — кры- лышки двигаются — летитъ ангелочекъ. Мой онъ. Да и обиды никакой въ этомъ нѣтъ. Вотъ, если бы я его пока- зала, да не отдала — ну, тогда дѣло другое.

А потомъ снова просыпалась и снова мучилась:

— Не хорошо. Если она не пойметъ, что ангелъ прекра- сенъ, мой долгъ объяснить ей — я мать. Тоже красивое дѣло, если буду все хорошее для себя припрятывать. Нужно ей объяснить, развивать ее.

И снова разсматривала ангелочка. Очень хорошо, что у него ножка поджата. А самъ весь прозрачный — такой воскъ, тоненькій. И крылышки, крылышки! Кажется, это даже не стекло, а скорѣе слюда. Ужъ очень нѣжно!

Нѣтъ, не пойметъ она этого! Ей какой-нибудь дуракъ, плюшевый медвѣдь гораздо интереснѣе.

А вдругъ — нѣтъ? А вдругъ пойметъ? Только бы не стала поить его чаемъ, а то еще онъ размякнетъ...

На другой день я съ утра убирала елку.

Валя была заперта въ дѣтской и громко капризничала.

— Зачѣмъ молоко льешь? — слышался голосъ няньки. — Зачѣмъ на полъ льешь?

И отчаянные вопли въ отвѣтъ:

— Буду плоливать молоко!

Судьба ангелочка была рѣшена. Я его повѣсила на елку и отдала Валѣ. Я мать и ради ея радости должна своею по- жертвовать.

Не надо только на него смотреть, онъ и забудется.
Въ пять часовъ зажгла елку, завязала Валѣ розовый бантъ на голову и впустила ее въ комнату.

Особаго эффекта елка не произвела. Больше всего понравилась пряничная рыба и сахарный пѣтухъ, потому что ихъ можно ѣсть.

Я подняла ее на руки и показала ей ангелочка.

— Вотъ это красота. Понимаешь? Красота!

— Дай!

— Нѣтъ, ты лучше такъ посмотри.

— Дай!

Я вздохнула и сняла съ вѣтки ангелочка. Онъ затрепеталъ крылышками.

— Ну, вотъ. Красиво?

— Класиво. У него, какъ у слоника, носикъ.

«Понравился!» подумала я и съ болью и съ гордостью.

— А его можно ѣсть?

— Нѣтъ, что ты! Онъ восковой.

— Нѣтъ, можно.

— Валя! — сказала я серьезно, — тебѣ три года, а мнѣ двадцать одинъ, стало быть, я побольше понимаю, чѣмъ ты.

Она понесла ангелочка въ дѣтскую. Что жъ — пусть. Мнѣ для нея ничего не жалко — я мать.

Пришелъ дворниковъ мальчикъ и кухаркина дочка. Вылупили глаза, набили рты пряниками.

Моя не такая. Моя умная. Она, тамъ, въ дѣтской смотреть на своего ангела.

— Валя! Иди сюда, къ тебѣ дѣтки пришли.

Бѣжить.

— Валя, Валя! Въ чемъ это у тебя носъ? И щека... Что это красное? Няня, что съ ней?

Нянька идетъ смущенная.

— Я ей говорила, не надо... не слушаетъ. Вотъ, на силу отняла.

Въ рукахъ у няньки комочекъ, голубая тряпочка, слюдяное крылышко.

— Засунула его въ ротъ и кричить, что сладко...

— Валя! Валя!

Мнѣ, конечно, ничего для нея не жаль, я мать, но все-таки... крылышки-то у него были слюдяныя...

А она подошла ко мнѣ и снисходительно погладила меня по щекѣ своей маленькой ладошкой, теплой и липкой:

— Не плачь, мама! Я тебѣ денегъ куплю.

Тэффи.

ПРОЧНЫЙ МИРЪ.

— Абрамъ Соломоновичъ, вы знаете, скоро будетъ миръ. Германія хочетъ.

— Если Германія хочетъ, такъ таки будетъ... Только ей придется прибавить къ слову «миръ» два почти нѣмецкихъ слова.

— Какія?

— Ой вей

Онкль.

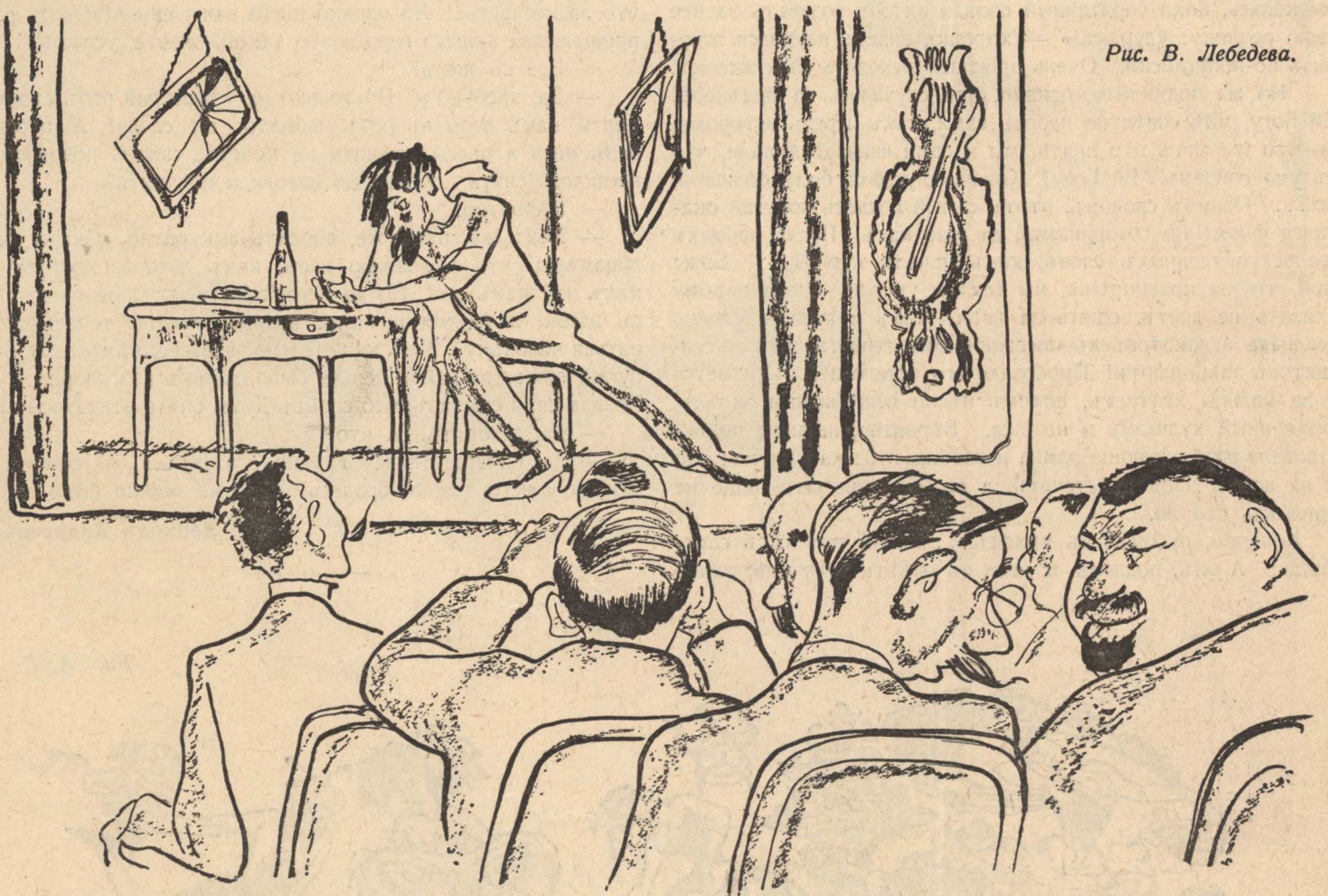

Рис. В. Лебедева.

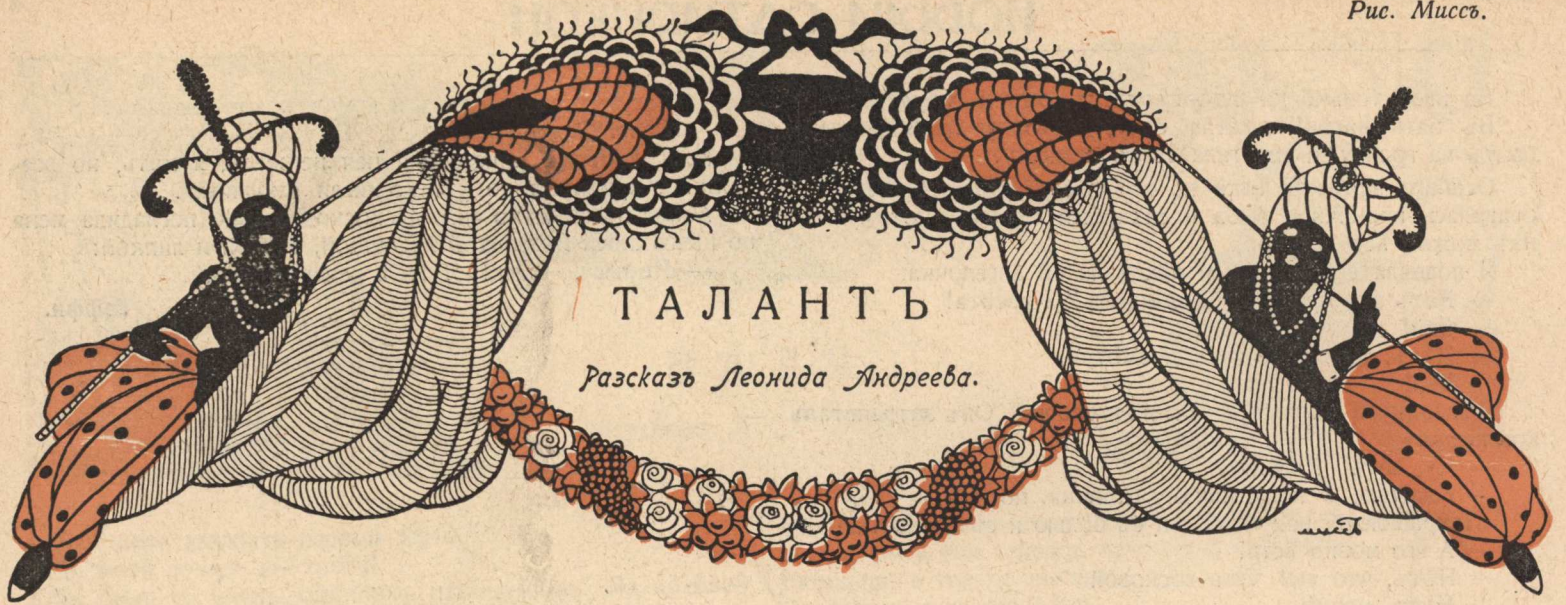
СОВРЕМЕННЫЙ БАЛАГАНЪ НА СВЯТКАХЪ.

1-й зритель: — Что здѣсь, собственно, смотрятъ

2-й зритель: — А вотъ видишь — пьянаго человѣка показываютъ.

1-й зритель: — И больше ничего?

2-й зритель: — А развѣ тебѣ этого мало?

Вмѣсто разсказа, о которомъ вы просили, позвольте сообщить вамъ о нѣкоемъ трагикомическомъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ. Разсказалъ мнѣ о случаѣ антрепренеръ театра, гдѣ ставилась моя пьеска «Дуракъ» — одноактная вещица, въ которой главное дѣйствующее лицо попугай. Вся соль пьески заключается въ томъ, что попугай (т. е. актеръ позади него) кстати и некстати произноситъ слово «дуракъ!», повергая этимъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ огорченіе и раздраженіе, доходящее даже до неистовства.

— Самое трудное для нашей постановки, это было до-стать попугая, — разсказывалъ мнѣ антрепренеръ, — но въ концѣ концовъ удалось. И такая, знаете, славная птица, молчаливая, спокойная, даже нѣсколько суровая, что ли. Одно, что кусалась, если близко подойти, а то совсѣмъ хорошо. И на репетиціяхъ вела себя, какъ старый опытный актеръ, понимающій свое дѣло: молчала себѣ и даже не кувыркалась, пока спрятанный позади актеръ подавалъ за нее свою реплику: «дуракъ!» — хорошо, знаете, научился говорить по-попугайски. Очень пріятный выходилъ спектакликъ.

Но вы подумайте, однако, что случилось на премьерѣ! Ей Богу, мнѣ совѣстно передъ вами, какъ передъ авторомъ, но кто же могъ это знать, мы и сами вначалѣ думали, что съ ума сойдемъ. Ей Богу! Конечно, успѣхъ былъ большой, но... Однимъ словомъ, этотъ самый подлецъ попугай оказался форменно говорящимъ, да еще какъ! Послѣ первыхъ же вступительныхъ словъ, какъ началъ жарить... Боже мой, что за краснорѣчіе, мы такъ и умерли! Слова никому сказать не даетъ, одинъ за всѣхъ такъ и лупитъ, словно двадцать адвокатовъ въ кассационномъ департаментѣ интендантовъ защищаютъ! Пробовали его остановить — ругается и за пальцы хватается, потомъ пѣсни неприличныя запѣлъ, форменный хулиганъ и невѣжа. Вѣроятно, на него подѣйствовала возбуждающе рампа и вообще публика и шумъ; оно и на всѣхъ насъ дѣйствуетъ, а онъ, должно быть, еще не привыкъ, что ли.

Конечно, публика въ хохотъ... какой ужъ тутъ спектакль! А онъ, подлецъ, и самъ въ отвѣтъ хохочетъ, точно

сговорился. Пробовали мы перешибить его, оремъ, а онъ еще громче, потомъ свистать началъ, кукарекать, мяукать, откуда берется. И хохочетъ, какъ сатана! Одно оставалось: занавѣсъ опустить, но тутъ публика требуетъ, чтобы продолжали: этотъ подлецъ уже ея любимцемъ сдѣлался, кричать: «попугая! попугая!»

Я спросилъ:

— Что же онъ говорилъ? Изъ пьесы или отъ себя?

— Частью изъ пьесы, но больше отсебятину несъ. Въ сущности, даже талантливый малый, но нельзя же такъ: всѣ репетиціи молчать, а тутъ вдругъ и заговорить. Что за Шаляпинъ такой! Да и Шаляпинъ никогда себѣ такого не позволить: попоетъ и другимъ дастъ, а этотъ одинъ за всѣхъ. Многіе артисты обидѣлись. Сообразилъ я, наконецъ, что надо его чѣмъ-нибудь прикрыть, прикрыли... но какой умница: «караулъ!» началъ орать подъ платкомъ, опять пришлось освободить. Публика хохочетъ, онъ хохочетъ, что за несчастье! Но однако пьеса ваша еще тридцать разъ прошла, для нашего города это такой, знаете, успѣхъ...

— Все съ нимъ?

— Да, требуютъ! Но только на тридцатый разъ стоить — опять, какъ воды въ ротъ набралъ: ни слова! А публика безъ него и пьесы слушать не хочетъ, свистъ поднялся... пришлось снять. Агентскія изволили получить?

— Вѣроятно.

— Какъ же, какъ же, вносилъ аккуратно. Скажу безъ лицемѣрія, что я уважаю васъ, какъ автора, который... какъ же, какъ же! Но до чего, знаете, трудное наше дѣло съ этими актерами и какъ, вообще, можно теперь довѣряться человѣку? Ужъ кажется молчаливѣе, чѣмъ этотъ попугай, существа найти нельзя было, а какъ разговорился!... Правда ли, я слыхалъ, что созывъ Думы опять откладываютъ?

— Да, говорятъ. А что?

— Да ничего, такъ. Трудно довѣряться, я говорю. И откуда у него только бралось? Съ ума можно было сойти!

Леонидъ Андреевъ.

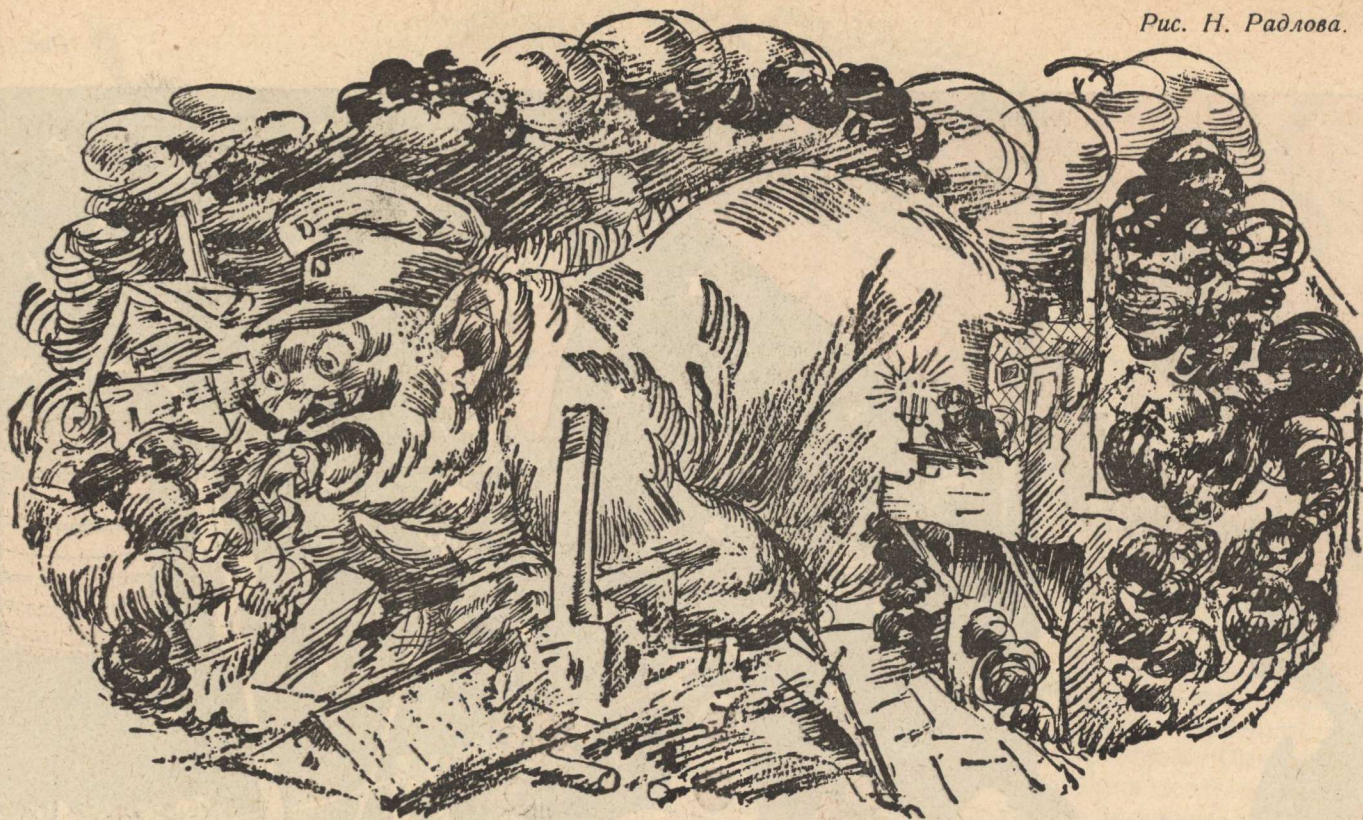
КОНЕЦЪ КАРНАВАЛА.

Карнавалъ продлится до разсвѣта.
Кто-то ждетъ и думаетъ: „скорѣй“.
Тамъ внизу давно стоитъ карета,
И усталый кучеръ у дверей.

Кто-то робко держитъ покрывало
И неволитъ взглядами: „пора“.
Онъ умчитъ царицу карнавала
И домой не пуститъ до утра.

Камеристка отпереть съ просонокъ;
Сонный умъ на всѣ догадки глупъ.
Только хитрый черныи арапченокъ
Улыбнется уголками губъ.

Онъ не выдастъ — хотя забей до смерти,
Но ревнивцу могъ бы онъ сказать:
Чью печать на голубомъ конвертѣ
Удалось ему вчера узнать.

Пусть отблескъ крови — въ каждомъ мигѣ,
И мысль смятенная — мертва,
Бери, поэтъ, изъ Мудрой книги
Ненарушимыя слова.

Держи сердца людскія въ вѣрѣ,
Что тихій день придетъ опять,
Что силы нѣтъ въ стихійномъ звѣрѣ
Цвѣты святыя растоптать.

И если кровь отвѣтитъ смѣхомъ
На муки творческихъ часовъ —
Останься только нѣжнымъ эхомъ
Въ тебѣ звучащихъ голосовъ...

Арк. Буховъ.

ИНКВИЗИЦІЯ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Я гляжу на нихъ сверху внизъ...

И не потому, чтобы я ихъ презиралъ, а, просто, я выше ихъ, хотя и сижу въ креслѣ. Лиля высотой не болѣе аршина, Котька — вершка на два выше.

Каждый изъ нихъ опирается обѣими руками о мое колѣно, и оба, не мигая, глядятъ въ мои бѣгающіе глаза.

— Я у Шуры книжку видѣлъ, — сообщаетъ Котька и умолкаетъ, ожидая, чтобы я спросилъ: «какую?»

— Какую?

— Называется: «Мальчикъ у Христа на елкѣ».

— Мда-а, — неопредѣленно мычу я.

Молчаніе.

Лиля рѣшаетъ поддержать брата.

— А я стихи новые знаю.

И замираетъ вся, напрягается, трепетно ожидая одного только словечка: «какіе?»

— Какіе?

Обыкновенно около нея нужно работать цѣлый часъ, чтобы вытянуть хоть какіе-нибудь стишонки.

Но тутъ она, какъ обильный весенній дождикъ по крышѣ — прорывается сразу:

У нашей елки
Иголки — колки.
Въ дверную щелку
Мы видимъ елку...
Звѣзда, хлопушки.
Орѣхи, пушки.

— Все. Вчера въ журналѣ читала.

— Такъ-съ, — снова мямлю я. — Стишки, хоть куда. А это знаешь: «Зима. Крестьянинъ, торжествуя...»?

Но такой оборотъ разговора обѣимъ невыгоденъ.

— Мы это знаемъ. Слушай, дядя... А бываютъ елки выше потолка?

— Бываютъ.

— А какъ же тогда?

— Дѣлаютъ дырку въ потолокъ и просовываютъ конецъ въ верхній этажъ. Если тамъ живутъ не дураки — они убиваютъ продунутый конецъ игрушками и веселятся напропалую.

Котька отворачиваетъ плутоватую мордочку въ сторону и задаетъ многозначительный вопросъ:

— А кто живетъ этажомъ ниже насъ — у нихъ есть дѣти?

— Не знаю. Кажется, тамъ старикъ какой-то.

— Жаль. А знаешь что, — неопредѣленно говоритъ Котька. — Я на Рождество буду слушаться.

— И я! И я! — ревниво кричитъ Лиля.

— Важное кушанье! — пожимаю я плечами. — Вы всегда должны слушаться. А нѣтъ — я сдеру съ васъ шкуру, набью ее ватой, и ужъ эти-то дѣтки будутъ сидѣть тихо.

Котька приподнимаетъ одну ногу, осматриваетъ ботинокъ, который у него въ полномъ порядкѣ — и, казалось бы безцѣльно, сообщаетъ:

— У нашихъ сосѣдовъ, говорятъ, нынче елка будетъ.

— Не сосѣдовъ, а сосѣдей.

— Ну, пусть сосѣдей. Но елка-то, все-таки, будетъ.

Положеніе создается тягостное.

— Елки... — мычу я. — Елки... Гмь!... Тоже, знаете, и отъ елокъ иногда радости мало. Вонъ, у однихъ моихъ знакомыхъ тоже такъ-то устроили елку, а свѣчка одна горѣла, горѣла, потомъ покосилась да кисейную гардину и подожгла... Какъ порохъ вспыхнулъ домъ! Восемь чело-вѣкъ сгорѣло.

— Елку нужно посрединѣ ставить. Рази къ окну ставить, — замѣчаетъ многоопытная Лиля.

— Посрединѣ... — горько усмѣхаюсь я. — Оно и посрединѣ бываетъ тоже не сладко. Въ одномъ тоже вотъ... знакомомъ домѣ... у Петровыхъ... Петровы были у меня такіе... знакомые... Такъ у нихъ — поставили елку посрединѣ, а она стояла, стояла, да какъ бухнетъ на полъ, такъ одну дѣвочку напололамъ! Голова къ рояли отлетѣла, ноги къ дверямъ.

Къ моему удивленію этотъ ужасный случай не производитъ никакого впечатлѣнія. Будто не живой ребенокъ погибъ, а муху на стѣнѣ прихлопнули.

— Подставку нужно дѣлать больше и тяжелее — тогда и не упадетъ елка, — дѣловито сипитъ Котька.

— На подставкѣ одной далеко не уѣдешь, — возражаю я. — Главная опасность — это хлопушки. Знавалъ я такую одну семью... какъ бишь ихъ? Да! Тоже Петровы. Такъ вотъ одинъ изъ мальчугановъ взялъ хлопушку, поднесъ къ

глазамъ, дернулъ, гдѣ слѣдуетъ — баць! Глазъ пополамъ и ухо на ниточкѣ!

Мы всѣ трое замолкаемъ и думаемъ — каждый о своемъ.

— А вотъ я тоже знала семью, — вдругъ начинаетъ задумчиво и тихо, опустивъ голову, Лиля. — Ихняя фамилія была Курицыхины. И тоже, когда было Рождество, такъ ихній папа говоритъ: не будетъ вамъ завтра елки! Они завтра тоже легли спать днемъ и ихній папа тоже легъ спать днемъ... Нѣтъ, передъ вечеромъ, когда бы была зажгита елка, если бѣ онъ сдѣлалъ. Такъ они тогда легли. Ну, легли всѣ и спятъ, потому елки нѣтъ, дѣлать нечего. А воры видятъ, что всѣ спятъ, забрались и все покрали, что было, чего и не было, все взяли. Ну, проснулись, понятно, и плакали всѣ.

— Это, навѣрное, былъ такой случай? — спрашиваю я, дѣлая встревоженное лицо.

— Д... да, — не совсѣмъ убѣжденно отвѣчаетъ Лиля.

— Значить, если я не устрою елки, къ намъ тоже заберутся воры?

— Заберутся, — таинственно шепчутъ оба.

— А если вы не ляжете спать въ это время?

— Нѣтъ, мы ляжемъ!!

Дольше терзать ихъ жалко. И такъ на лицахъ застыла мучительная гримаса трепетнаго ожиданія, а глаза выражаютъ то страхъ, то надежду, то уныніе и разочарованіе.

Не желая, однако, сразу сдать позицію, я задаю преглупый вопросъ:

— А вы какую бы хотѣли елку: зеленого цвѣта или розоваго?

— Зеленую...

— Ну, разъ зеленую — тогда можно. А розовую ужъ никакъ бы нельзя.

* * *

Какъ щедры дѣти: поцѣлуи, которыми меня осыпають, по-моему, совсѣмъ не заслужены.

Аркадій Аверченко.

О ПРОЩАЮЩЕЙ БОГОРОДИЦѢ.

(Ховгородское сказаніе.)

Л. М. и Е. М. Мсаковитъ.

Человѣковъ любитъ Богородица,
Да и любитъ какъ еще Она;
Въ адѣ о Рождествѣ — такъ ужъ водится,
Спускается каждый годъ Богородица,
А лѣстница въ адѣ запакошена...

Грязью, мерзостью, мышимъ слѣдомъ,
По стѣнамъ грибовъ-мухоморовъ городъ,
Лягушка съ ужомъ — сосѣдка съ сосѣдомъ,
Хорь озоруетъ, напускаетъ смородь.
Въ балкахъ-стропилахъ нечистая птица, —
Совы глазастья, удождь съ козодоемъ
Ищутъ, гдѣ угнѣздиться,
Висятъ по карнизамъ,
Мечутся съ воемъ
Чернымъ роємъ.
Идетъ Богородица,
Въ туманѣ сизомъ,
Каждый годъ о Рождествѣ — такъ ужъ водится,
Грѣшниковъ прощать идетъ Богородица,
Допускать на поклонъ къ пресвѣтлымъ ризамъ.

Въ ясный цвѣтъ, въ ясную тѣнь ее —
Ризу — ангелы вышивали золотомъ,
Подъ канонъ-кондакъ пѣніе,
По грязнымъ ступенямъ, расколотымъ,
Нечисть бѣжитъ съ пути,
Чтобы не было противно Богородицѣ идти.

Ходитъ Пресвятая по чернымъ палатамъ,
Подъ взоромъ чистымъ ольха могла бѣ цвѣсти,
Говоритъ — вѣтъ бѣлымъ платомъ:
«Идите, грѣшники, — по страсти-слабости,
Загубленные болью, немощью,
Кого вижу — въ сегодняшній день —
Всѣхъ прощу».

Стынуть смолы по котламъ горячимъ,
Грѣхамъ — счету нѣтъ, милостямъ — счету нѣтъ.
На голубой Богородичный свѣтъ
Ползутъ окаянные съ плачемъ,
Подъ прощающей взоръ,
И блудникъ, и воръ.
И знатные люди — господскій ликъ
Да руки бѣлые до сихъ поръ у нихъ,
И простой крестьянинъ-мужикъ,
Въ зипунѣ, въ лаптяхъ порванныхъ.

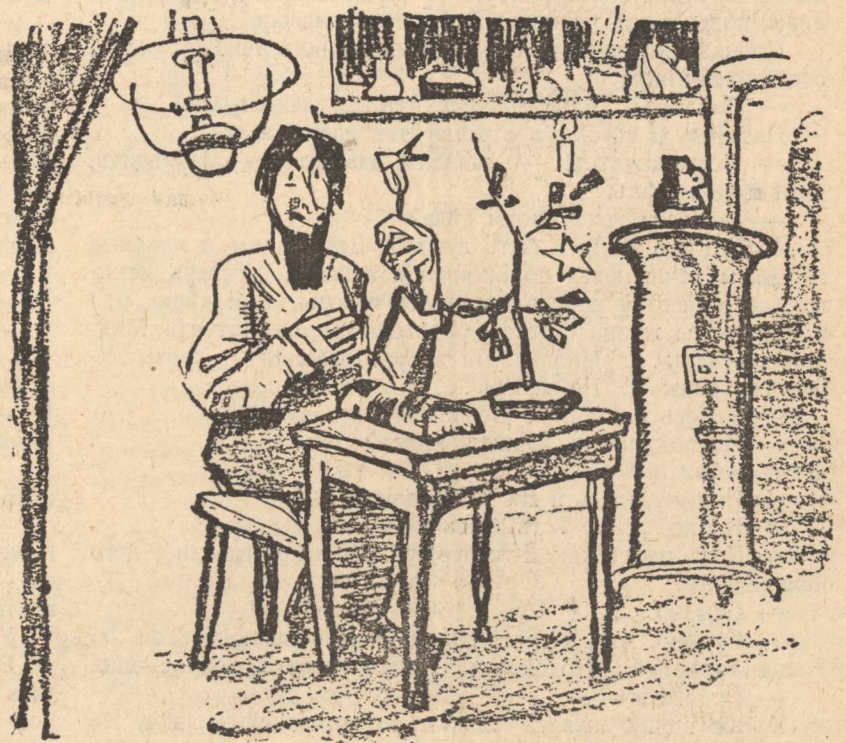
Осіяннымъ-прощеннымъ нѣсть конца,
Отпускаетъ грѣхи Богородица,
Дрожитъ проклятая лѣстница
Подъ несчетностью ногъ,
А вдали, вверху золотой порогъ...
О Рождествѣ такъ ужъ водится:
Спускается въ адъ
И уводитъ грѣшниковъ въ райскій садъ,
Мимо смоляныхъ котловъ,
Мимо богомерзкихъ мордъ,
Матерь Божія — Богородица.

Передъ старымъ нечистымъ
Плачетъ молодой чортъ,
Дрожитъ осиновымъ листомъ:
— «Этакъ некого будетъ жечь,
Для кого жъ остается адская печь?» —
А у стараго нечистаго, согнутаго въ поясницѣ,
Свѣтлая слеза блеститъ на рѣсницѣ,
Говоритъ молодому: — «Ой, чуется, братъ,
Чуется ужо, Богоматери ради,
И намъ придется еще рвать виноградъ
Въ Богородичномъ райскомъ садѣ!

Валентинъ Горянскій.

При этомъ номерѣ всѣмъ годовымъ подписчикамъ
разсылаются 3-я премія «Физиологія и анатомія чело-
вѣка» съ приложеніемъ «Психологія чело-
вѣка».

Рис. А. Р.

ДЬЯВОЛЬСКІЙ ПЛАНЪ.

— Хорошо, если бы пришелъ хозяинъ. Увидаль бы по-
лѣно, подумаль бы, что я большое наслѣдство получилъ, и по-
дождалъ бы за квартиру...

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ...

Фельетонъ О. Л. Д'Ора.

Два человѣка среднихъ лѣтъ шли по Невскому.

Оба были въ великолѣпныхъ модныхъ полужимнихъ пальто, въ цилиндрахъ и въ лакированныхъ ботинкахъ, безъ калошъ.

Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный въ городѣ адвокатъ; другой — извѣстный писатель.

— Холодно! — сказала адвокатъ.

— Еще бы не холодно! — сердито пробурчалъ писатель, — двадцать два по Реомюру. Шуба теперь была бы очень кстати.

— Гдѣ же ваша шуба? Кажется, норковая у васъ была?

— Была! — вздохнулъ адвокатъ. — Тысячу рублей за нее въ ломбардѣ получилъ. Но что это за деньги, тысяча рублей? Купилъ два фунта ветчины, пять булокъ, полфунта масла, и готово. Тысячи рублей, какъ не бывало...

— Увы, это такъ! — вздохнулъ также и писатель. — За свою шубу я взялъ пятьсотъ. На одинъ день хватило... Однако, морозъ здорово жарить...

— Какъ полагается въ сочельникъ...

Писатель и адвокатъ принялись подпрыгивать, чтобы согрѣть ноги.

— Смотри! — закричалъ вдругъ адвокатъ. — Какая благодать!

Озябшей красной рукой онъ указалъ на ярко освѣщенное окно гастрономическаго магазина.

Въ одну минуту они жадными глазами впились въ окно, и замерли въ нѣмомъ восторгѣ.

Чего, чего только не было за окномъ?

Жирные гуси въ самыхъ вульгарныхъ позахъ, какъ и подобаетъ разжирѣвшимъ двуногимъ, нагло смотрѣли на прохожихъ.

Аппетитная колбаса драгоценными кольцами висѣла у верхней части окна, точно говоря прохожимъ:

— Заходите, милые, купите меня. Правда, я продаюсь не дешево, всего сто рублей фунтъ, но зато я настоящая малороссійская, и вкусъ у меня пріятный и нѣжный, какъ поцѣлуй.

Вдали лежали серьезные сѣды, манила своимъ нѣжно-розовымъ мясомъ семга, чернѣла икра.

У адвоката и писателя потекли слюнки.

— Уйдемъ! — сказала писатель. — Не для насъ это...

— Не для насъ! — сказала адвокатъ.

— Все это для подлыхъ буржуевъ! — сказалъ писатель.

— Для подлыхъ буржуевъ! — согласился адвокатъ. — Намъ, пролетаріямъ, тутъ дѣлать нечего.

Дѣйствительно, въ гастрономическій магазинъ то и дѣло заходили представители крупной буржуазіи, извозчики, банкиры, подрядчики, чернорабочіе и ремесленники.

Приказчики почтительно рѣзали для нихъ колбасу, семгу, отвѣщивали икру.

— Пойдемъ! Пойдемъ! Все это для избранныхъ!

Писатель и адвокатъ отошли отъ магазина.

— Ъсть хочется! — сказалъ адвокатъ. — Повѣрите, дней пять не ѣлъ.

— Неужели такъ плохи дѣла?

— Откуда же имъ быть лучше? Всѣ громкіе и хлѣбные процессы начинаются по окончаніи войны... Теперь некогда, да и некому ловить крупныхъ воровъ... Я вѣрю, что послѣ войны жизнь будетъ прекрасна для адвокатовъ. Милліонные иски... Милліонныя злоупотребленія... стотысячные гонорары... Но теперь...

— Теперь плохо!... Вотъ и я...

— Не покупаютъ вашихъ книгъ?

— Кому онѣ нужны?

— Никому, какъ и совѣты адвоката...

— Плохо... А ѣсть такъ хочется!...

— Вотъ идетъ какой-то буржуй. Не попроситъ ли у него келькешозъ?

— Стыдно...

— Стыдно, что и говорить, да ничего не подѣлаешь... Голодъ не тетка... Подойдемъ. У него, кажется, доброе лицо.

— Подойдемъ...

Къ нимъ приближался человѣкъ чернорабочей складки. На немъ былъ полушубокъ, теплая баранья шапка, высокіе сапоги.

Адвокатъ снялъ цилиндръ и робко сказалъ:

— Бѣдному пролетарію подайте...

— Проваливай! Проваливай! — сердито закричалъ чернорабочій. — Много теперь вашего брата пролетарія развелось. Всѣхъ васъ, тунеядцевъ, не накормишь...

— Намъ...

— Сказано — проваливай! Хочешь, чтобы городского позвалъ? Вотъ идетъ... Знаемъ мы вашего брата. Съ виду почтительны, а на самомъ дѣлѣ только и думаете, какъ бы нашего брата, капиталиста, въ гартарары.

— Проклятый буржуй! — выругался писатель.

— Пойдемъ! — сказала адвокатъ.

Они завернули за уголъ.

— Смотри, какое освѣщеніе! — сказала писатель.

— Да, весь домъ освѣщенъ. Ба, вѣдь, это вашъ особнячекъ.

— Былъ моимъ...

— А теперь?

Лицо адвоката стало еще мрачнѣе, и глухо прозвучалъ его голосъ:

— Его купилъ мой Иванъ.

— Кто купилъ?

— Мой Иванъ. Мой кучеръ... Въ началѣ войны онъ ушелъ отъ меня, купилъ лошадь и сталъ извозчикомъ... Само собою, разбогатѣлъ... Потомъ купилъ у меня мой особнякъ...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Пойдемъ посмотримъ, какъ онъ справляетъ сочельникъ! — прервалъ молчаніе писатель.

— Пойдемъ... Можно съ той стороны черезъ заборъ... Тамъ садикъ. Окна столовой какъ разъ выходятъ въ садикъ...

Адвокатъ и писатель перелѣзли черезъ заборъ и, тихо ступая по мягкому снѣгу, подкрались къ одному изъ оконъ.

Столовая была полна людьми. Столъ былъ уставленъ яствами и питіями.

Сверкалъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, одеколонъ въ небольшихъ плоскихъ бутылочкахъ.

Ханжа степенно занимала первое мѣсто на столѣ въ бѣлыхъ, узкихъ «четвертяхъ».

Скромно пряталась между закусками политура.

Самъ хозяинъ, въ красной кумачевой рубахѣ, разливалъ въ стаканы ханжу.

Гости, съ интеллигентными извозчичьими лицами, румяные, съ вдохновенными отъ выпитой ханжи глазами, сидѣли вокругъ стола.

— Икру руками ѣдятъ! — сказалъ слабымъ голосомъ адвокатъ.

— А мы ее столовыми ложками ѣли у Кюба! — тихо прошепталъ писатель.

— Холодно! Ой, какъ холодно! — сказалъ адвокатъ. — Смотрите, они балыкъ зубами рвутъ...

— Кажется, замерзаю... Какъ они, дьяволы, одеколонъ дуютъ...

— Не хуже, чѣмъ мы ликеръ дули у Донона... Уйти надо. Чувствую, что замерзну тутъ, какъ рождественскій мальчикъ...

— Уйдемъ! Уйдемъ!...

— Не могу встать... Ноги не дѣйствуютъ... Смотрите, смотрите... Хозяинъ политуру въ чайные стаканы разливать.

— Какъ мы шампанское...

— Смотрите, какъ ѣдятъ эти проклятые буржуи!

— Здорово ѣдятъ... Уйдемте скорѣе... Замерзнемъ...

— Не могу встать... Вѣдь, я вамъ сказалъ, что ноги отморожены... Помогите мнѣ встать...

— Не могу... У меня руки не повинуются... Отморожены...

— Мы умремъ, какъ настоящіе пролетаріи, подъ окномъ сытаго буржуя...

— Это будетъ демонстрація противъ буржуазнаго строя... Почему вы молчите?

— У меня... у меня, кажется, языкъ примерзаетъ къ гортани...

Утромъ ихъ нашли мертвыми.

Въ буржуазной газетѣ «Сознательный Рабочій» появилась небольшая замѣтка о «гнусной демонстраціи», устроенной двумя пролетаріями подъ окнами почтеннаго буржуа, въ ночь подъ Рождество.

Единственная пролетарская газета «Интеллигентъ» вышла съ бѣлой плѣшью на первой страницѣ.

Некрологъ объ адвокатѣ и писателѣ былъ зачеркнутъ цензурой.

О. Л. Д'Орь.

Х О Л О Д А .

— Чортъ возьми! Всѣ ножки отъ табуретовъ сожгли и все-таки холодно! Вотъ ученикамъ консерваторіи хорошо. Отвинтилъ ножку отъ роля, — и тепло весь день!

СТАТИСТИКЪ

Разсказъ Влад. Азова.

„Дважды два — четыре“.

Истина.

Мы играли съ Марьей Ивановной въ шахматы и въ промежуткахъ между ходами говорили о ея мужѣ. Она была очень хорошенькая, Марья Ивановна, когда мы проживали съ ней, пять лѣтъ назадъ, на Васильевскомъ, въ большомъ меблированномъ домѣ «Лондонъ», — она, въ номерѣ сороковомъ, а я, наискосокъ — въ тридцать девятомъ. Потомъ она уѣхала въ Орель на урокъ и тамъ вышла замужъ за Сергѣя Петровича Юрченко, статистика по профессіи и по происхожденію. По происхожденію, ибо отецъ его тоже былъ статистикомъ, и чуть ли не ученикомъ знаменитаго Кетле, считавшаго, измѣрившаго и взвѣсившаго рѣшительно все на свѣтѣ. Когда я пришелъ къ ней въ «Сѣверную Гостиницу», вызванный по телефону, она показала мнѣ фотографическую карточку мужчины среднихъ лѣтъ, безъ шеи, но съ бородой и съ крутымъ, какъ у барана, лбомъ. Я посмотрѣлъ на карточку и молча отложилъ ее въ сторону. Она тоже посмотрѣла на карточку и сказала:

— Вотъ это и есть Сергѣй Петровичъ. Онъ скоро придетъ. Онъ вышелъ на улицу — сосчитать, сколько оконъ въ Сѣверной гостиницѣ. Познакомитесь. Онъ — ничего. Давайте, сыграемъ, по старой памяти, въ шахматы?

Мы играли съ Марьей Ивановной въ шахматы, — она и сейчасъ прехорошенькая, только что-то жизни мало въ ея лицѣ, — и говорили, въ промежуткахъ между ходами, о ея мужѣ.

— По крайней мѣрѣ, вы его любите? — спросилъ я, слѣлавъ ходъ конемъ.

— На столько, на сколько можно любить статистика, — отвѣтила она, съѣвъ моего коня неожиданно вынырнувшего изъ глубины шахматнаго поля ладьею.

— Какой онъ человѣкъ? — спросилъ я, рокируясь.

— Онъ статистикъ, — отвѣтила Марья Ивановна. — Вы не имѣете права рокироваться: вы двигали короля.

— Но какъ онъ къ вамъ относится?

— Какъ математикъ, — сказала Марья Ивановна. — Какъ къ нѣкоторой единицѣ.

Черезъ три хода она объявила мнѣ шахъ и матъ, и мы начали вторую партію.

— А вотъ и Сергѣй Петровичъ, — сказала она, выдвинувъ королевскую пѣшку и привѣтствуя вошедшаго въ комнату плотнаго мужчину безъ шеи, но съ большой рыжей бородой и въ золотыхъ, тоже казавшихся рыжими, очкахъ. — Познакомьтесь.

Мы обмѣнялись съ Сергѣемъ Петровичемъ рукопожатіемъ.

— Много про васъ слышанъ, — сказала Сергѣй Петровичъ.

— Да что вы! — сказала я.

Марья же Ивановна въ это время обмѣняла своего коня на моего слона, выигравъ при этомъ пѣшку.

— А вы, Сергѣй Петровичъ, играете въ шахматы? — спросилъ я.

— Играю, — отвѣтилъ онъ голосомъ, среднимъ между басомъ и дискантомъ, который часто встрѣчается у педагоговъ. — Но не люблю этой игры. Если положить на первую клѣтку шахматной доски 1 зерно, на вторую — 2, на третью — 4, на четвертую — 8 и продолжать въ томъ же духѣ, то понадобится 18 000 000 000 000 000 зеренъ, а въдь это составитъ ни много, ни мало пятнадцать билліоновъ кубическихъ футовъ зерна. Каково? Въдь, если все это зерно размазать по поверхности земли, — конечно, по сушѣ, — получится слой въ два дюйма высотой. Какая же это игра?

— Вотъ въ домино Сергѣй Петровичъ тоже не любитъ играть, — сказала провокаціоннымъ тономъ Марья Ивановна.

— И не люблю, — подтвердилъ Сергѣй Петровичъ. — Нелѣпая игра. Двадцать восемь камней домино даютъ равнымъ счетомъ 284 528 211 840 комбинацій. Это выходитъ, что если бы мы съѣли съ вами сейчасъ играть въ домино и играли бы даже по четыре партіи въ минуту, намъ пришлось бы играть безъ перерыва 118 000 000 лѣтъ, чтобы исчерпать всѣ эти комбинаціи.

— Должно быть вы, какъ многіе въ провинціи, завязаты винтеръ, — сказала я.

— Винтеръ! — воскликнулъ Сергѣй Петровичъ. — Вотъ ужъ никогда не сяду играть въ винтъ. Вы, очевидно, не знаете, что винтъ даетъ свыше 53 644 квадратильоновъ комби-

наций, т. е. возможных раскладов картъ. Попробуйте-ка себѣ представить.

— Не могу, — откровенно сказала я.

— Хе-хе-хе, — пискливо засмѣялся Сергѣй Петровичъ. — Вотъ Маша раньше тоже не могла себѣ представить, что такое квадрильонъ, а теперь представляетъ. Ну, Маша, какую вышину имѣетъ столбъ изъ миллиона положенныхъ одна на другую рублевыхъ бумажекъ?

— Шахъ королевѣ! — сказала Марья Ивановна. — Миллионъ рублевокъ даетъ въ вышину 250 футовъ.

— Это ужасно, — сказалъ я, увидѣвъ, что моя королева попала въ безысходное положеніе. — А еще говорятъ: рубль не деньги. Теперь я буду беречь каждый рубль, какъ зеницу ока.

— Наоборотъ! — сказалъ Сергѣй Петровичъ. — Этимъ какъ разъ подтверждается, что рубль не деньги. Если у васъ есть миллионъ и съ минуты вашего рожденія, вплоть до минуты вашей смерти, вы будете тратить, днемъ и ночью, безъ всякаго перерыва, каждый часъ по рублю и проживете при этомъ цѣлыхъ сто лѣтъ, — вы все-таки не истратите миллиона. Одинъ часъ — одинъ рубль, однѣ сутки, значитъ 24 рубля, одинъ годъ, стало быть, 8 760 рублей. Вы израсходуете за сто лѣтъ только 876 000 цѣлковыхъ. Маша, какой вышины столбикъ останется еще отъ его миллиона?

Марья Ивановна вскинула глаза на потолокъ и сказала:

— Около тридцати съ половиной футовъ вышины. Мать! Пойдемте чай пить.

Я получилъ два мата, и въ головѣ у меня стоялъ, упираясь вершиною въ черепную крышку, столбъ изъ миллиона вопросовъ. Существеннымъ изъ нихъ былъ, впрочемъ, только самый верхній вопросъ: когда этой милой женщинѣ станетъ немотою атмосфера цыфири, изъ которой она, очевидно, не выходитъ ни днемъ ни ночью.

Мы сидѣли за ломбернымъ столомъ, покрытомъ «своею» скатертью, и пили чай, сервированный не безъ изящества.

— Мы приѣхали вчера утромъ, — щебетала Марья Ивановна, — и я сейчасъ же начала звонить къ вамъ, но у васъ телефонъ все время занятъ. А потомъ ужъ некогда было мнѣ. А вечеромъ мы попали на бенефисъ кордебалета.

— Интересно было? — спросилъ я.

— Очень, — перебилъ жену Сергѣй Петровичъ. — Я думаю, въ зрительномъ залѣ былъ представленъ вчера капиталъ не менѣе пятисотъ миллионѣвъ. Хотя въ Ньюоркскомъ театрѣ «Метрополитенъ», на премьерѣ «Тристана и Изольды», представленъ былъ, по исчисленіямъ тамошнихъ статистиковъ, кругленькій капиталецъ въ одинъ миллиардъ четыреста миллионѣвъ долларѣвъ.

— Кшесинская была очаровательна, — сказала Марья Ивановна. И Владимировъ. Это для меня новый танцовщикъ. По-моему, онъ еще интереснѣе Нижинскаго. Кстати, отчего вы не были въ театрѣ? У меня была тайная надежда встрѣтить васъ тамъ. Вѣдь вы очень любили балетъ.

— И сейчасъ люблю, — сказалъ я. — Да не попадешъ никакъ.

— Да, публики было много, — сказалъ Сергѣй Петровичъ. — Въ ложѣ, въ которую намъ какой-то типъ продалъ два купона, взявъ за нихъ по двѣнадцати рублей, было семь человекъ. Вы не знаете, сколько квадратныхъ футовъ въ партерѣ Маринскаго театра?

— Понятія не имѣю, — сказала я.

— Какъ же это вы такъ? — удивился Сергѣй Петровичъ. — А еще петроградецъ, да чуть ли не коренной. А мнѣ интересно было бы вычислить, сколько народу могло бы помѣститься въ партерѣ Маринскаго театра, если бы вынести всѣ стулья и отвести каждому стоящему зрителю квадратный футъ. Одинъ швейцарскій пасторъ вычислилъ, что на поверхности Констанцскаго озера могло бы помѣститься, такимъ образомъ, — въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — все человечество. Конечно, для этого надо было бы, чтобы поверхность озера замерзла. При чемъ замѣчательная штука: если бы ледъ вдругъ треснулъ и все человечество провалилось бы, такимъ образомъ, на дно озера, — уровень воды въ немъ поднялся бы не болѣе, какъ на полфута.

— Что ваша бабушка, Марья Ивановна? — спросилъ я, чтобы переменить тему разговора. — Надѣюсь, она въ добромъ здравіи?

— Бабушка умерла, — сказала Марья Ивановна. — Меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ моей свадьбы.

— Вы не были причиною ея смерти? — хотѣлъ я спросить Сергѣя Петровича и, можетъ быть, спросилъ бы, если бы онъ не началъ уже опять растекаться своею статистическою мыслью по древу.

— Ничего не подѣлаешь, — началъ онъ. — Всѣ мы смертны, всѣ тамъ будемъ. Изъ миллиона родившихся послѣ шестидесяти лѣтъ остаются только 370 000, а послѣ восьмидесяти лѣтъ не болѣе 97 000. До 108 лѣтъ доживаетъ только одинъ на миллионъ родившихся, а въ общемъ, съ Рождества Христова перемѣнилось на землѣ 57 поколѣній. Такъ-то!

— Еще чайку? — предложила Марья Ивановна.

Я отказался.

— А тебѣ, Сергѣй Петровичъ?

— Не откажусь, — сказала статистикъ. — Говорятъ, что пить второй стаканъ вредно, но я считаю это чепухою. Каждый человекъ долженъ ввести ежедневно въ желудокъ 1615 граммовъ жидкостей. Мнѣ сейчасъ 50 лѣтъ, и я поглотилъ за это время, — считая, конечно, и періодъ, когда я питался молокомъ матери, — приблизительно 32 000 литровъ жидкости. Это не такъ ужъ много: это составитъ прудъ площадью въ 300 квадр. футовъ и глубиною въ 3 фута. Совсѣмъ не такъ много, если принять во вниманіе, что на ѣду и питье у меня ушло за 50 лѣтъ жизни не менѣе 1500 полныхъ дней.

— Скажите, пожалуйста, — перебила своего супруга Марья Ивановна, — намъ удастся послушать Шалапина? Я очень хотѣла бы. Я не слышала его лѣтъ шесть.

— Конечно, — сказалъ я. — Онъ поетъ сейчасъ въ Народномъ домѣ.

— Я очень люблю Шалапина, — сказала статистикъ. — Я слышала его въ Москвѣ, въ 1906 году. Онъ получалъ тогда 24 000 р. въ годъ. Я сдѣлалъ ему въ день бенефиса отличное подношеніе. Говорятъ, онъ былъ въ восторгѣ.

— Что-нибудь статистическое? — спросилъ я наугадъ.

— Разумѣется, — отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ. — Я поднесъ ему каллиграфически переписанный расчетъ его гонорара. Изъ расчета 20-ти партій, которыя онъ пѣлъ, и считая по 1000 нотъ или, — что одно и то же, — слоговъ, въ каждой партіи, выходило, что онъ получаетъ по 1 р. 20 к. за ноту или за слогъ. Такимъ образомъ, «на землѣ весь родъ людской» — стоило дирекціи 8 р. 40 к., а ну, наприимѣръ, «я здѣсь!» — 2 р. 40 к. Драматическіе артисты такихъ гонораровъ никогда не получали. Средній актеръ въ провинціи — у меня есть гдѣ-то точный расчетъ, — долженъ произнести 15 слоговъ, чтобы заработать 1 копейку. Наприимѣръ: «Быть или не быть, — вотъ въ чемъ вопросъ, что лучше. Сносить у...» — копейка. А, наприимѣръ: «А судьи кто?» — пятая часть копейки.

Марья Ивановна смотрѣла на меня сквозь опущенныя рѣсницы.

— А вы полысѣли немножко за эти пять лѣтъ, — сказала она съ тихой лаской. — Помните, какіе у васъ были красивые волосы. Они и сейчасъ у васъ красивые, — поспѣшила прибавить она, только ихъ меньше стало.

— Старость не радость, — сказала я. — Придете еще черезъ пять лѣтъ, найдете меня совсѣмъ лысымъ.

— Ну, это, врядъ ли, — вмѣшался Сергѣй Петровичъ. — На квадратномъ дюймѣ головы человека среднихъ лѣтъ помѣщается обыкновенно 1066 волосъ. Ну, скажемъ, поверхность вашей головы представляетъ собою площадь... вы какой номеръ шляпы носите?

— 56-й.

— 56-й? Ну, тогда 120 кв. дюймовъ. Стало бы, сейчасъ у васъ на головѣ 127 920 волосъ. Въ пять лѣтъ вы не потеряете все. Тысячъ 80 000 у васъ, какъ никакъ, останется.

— Марья Ивановна, — спросилъ я, — вы послѣднюю книжку Тэффи, «Неживой звѣрь», читали уже?

— Нѣтъ еще, — сказала Марья Ивановна. — Я купила ее на дорогу, хотѣла прочесть въ вагонѣ, но Сергѣй Петровичъ завладѣлъ ею и не выпускалъ изъ рукъ до самаго Петрограда. Должно быть, рѣшилъ наизусть выучить всю книжку.

— Прекрасная книга, — отозвался Сергѣй Петровичъ. — Я думаю, въ ней не менѣе 77 500 словъ и 325 000 буквъ. Въ сравненіи съ библіей это, впрочемъ, очень маленькая книжка, ибо въ библіи, какъ извѣстно, 773 662 слова и 3 566 480 буквъ. Книга Тэффи скорѣе напоминаетъ Коранъ.

— Да вы прочли ее? — воскликнулъ я.

— Прочесть я ее не прочелъ, — отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, — и по очень простой причинѣ. Читая ежедневно 4 часа и прочитывая въ среднемъ по 30 страницъ въ часъ или 1680 страницъ въ недѣлю, я прочитываю въ годъ 87 360 страницъ, или иначе — 220 томовъ по 400 страницъ каждый. Вы понимаете, что мнѣ этого не хватаетъ на одни лишь статистическіе сборники, издаваемые земствами.

— Эй Богу, Сергѣй Петровичъ, ты страшно много говоришь сегодня, — сказала Марья Ивановна, начиная раздражаться. — Ты бы помолчалъ.

— Я много говорю? — изумился Сергѣй Петровичъ. — Откуда это у тебя, у жены статистика, взялся такой неправильный взглядъ на вещи? Разговору или, точнѣе, говоренію я посвящаю въ теченіе сутокъ, какъ и всякій нормальный человѣкъ, 3 часа. Считаю, что я произношу 100 словъ въ минуту, я говорю: 29 страницъ средняго книжнаго формата въ день, стало быть — 600 страницъ въ недѣлю. Короче говоря, это выходитъ 52 тома по 600 страницъ въ годъ. Ты говоришь больше моего, хотя бы потому уже, что ты выговариваешь 120 словъ въ минуту, а когда ты сердиться, такъ и всѣ 125. Если хочешь, можемъ сейчасъ проверить.

Сергѣй Петровичъ съ самыми серьезными намѣреніями вынулъ изъ кармана часы и изготовился къ опыту.

— Нѣтъ съ нимъ никакихъ силъ, — сказала почти шопотомъ Марья Ивановна. — Я рѣшила ни минуты не сидѣть въ Петроградѣ дома. Завтра куплю себѣ ботинки для гулянья и буду уходить съ утра на цѣлый день. Кстати, отчего у васъ такъ дороги въ Петроградѣ ботинки?

— Кожи, говорятъ, нѣтъ, — сказалъ я. — Руки тоже рабочія дороги.

— Къ сапогамъ дѣйствительно приступа нѣтъ, — сказалъ Сергѣй Петровичъ, выдвинувъ впередъ ногу, обутую въ подобіе какихъ-то мокроступовъ. — Вотъ купилъ вчера въ Гостиномъ за 18 рублей. Безобразіе! Два года назадъ я заплатилъ въ томъ же магазинѣ, и за лучшіе, ровно 9 цѣлковыхъ. Я дѣлаю въ часъ 3000 шаговъ каждой ногой и нахожусь въ движеніи, въ общей сложности, въ теченіе 3-хъ часовъ ежедневно. Значитъ, я дѣлаю въ день всего 9000 шаговъ, считая, такъ какъ у меня двѣ ноги, по 4500 шаговъ на ногу. Сапогъ долженъ служить, если это сапогъ, а не дрянъ, 100 дней. Если я отдалъ за пару 18 рублей, я трачу, значитъ, въ день, на 18 копеекъ обуви. Вотъ и прикиньте, во сколько мнѣ обходится теперь 1000 шаговъ? Ровно въ 2 копейки! А ей еще дороже будетъ обходиться. Я тутъ гдѣ-то высчиталъ, на клочкѣ. Эй, при цѣнѣ ботинокъ въ 40 рублей и при меньшемъ количествѣ ходоподметокъ, 1000 шаговъ будетъ обходиться минимумъ въ 7 копеекъ. Вотъ и живи, какъ хочешь.

Воцарилось тяжелое молчаніе.

Я сдѣлалъ тягло движеніе, чтобы встать и попрощаться, но Марья Ивановна остановила меня взоромъ, полнымъ мольбы.

Я вынужденъ былъ остаться.

— Разрѣшите, Марья Ивановна, закурить. — сказалъ я.

— Пожалуйста, — отвѣтила Марья Ивановна. — Но я тебя очень прошу, Сергѣй Петровичъ. Ты имѣешь обыкновеніе, когда кто-нибудь закурить въ твоемъ присутствіи, начать рассказывать табачную статистику. Пожалуйста, не надо.

Сергѣй Петровичъ пожалъ плечами.

— Не надо, такъ не надо, — сказалъ онъ. — Хотя это очень кстати. Курильщикъ не можетъ не интересоваться статистикой куренья. Есть очень любопытныя и даже забавныя данныя. Напримѣръ, сколько кубическихъ метровъ дыму можетъ выпустить курильщикъ, который...

— Ради Бога, Сергѣй Петровичъ. Я умоляю тебя: не надо! Дай намъ отдохнуть отъ статистики.

— Пожалуйста, сдѣлай одолженіе. Если вамъ надоѣла статистика, хотя я и не понимаю, какъ можетъ надоѣсть статистика, я вамъ расскажу анекдотъ.

— Расскажи анекдотъ. Все, что хочешь. Только не мучь насъ статистикой.

— Да ладно, ладно. Какъ будто бы я ужъ такъ много угощаю тебя статистикой? Я вамъ расскажу страшно смѣшной анекдотъ.

Сергѣй Петровичъ откашлялся и началъ:

— Одинъ маленькій чиновникъ получилъ въ учрежденіи, гдѣ онъ служилъ, отпускъ на 48 часовъ. Хорошо! Проходятъ 48 часовъ — его нѣтъ. Проходятъ 96 часовъ — его нѣтъ. Проходятъ 144, 192, 384 часа — о чиновникѣ ни слуху ни духу. Наконецъ, черезъ 8 дней онъ является.

«— На какомъ основаніи вы превысили срокъ разрѣшеннаго вамъ отпуска?» — спрашиваетъ его начальникъ.

«— Я, ваше превосходительство, ни одной минуты не просрочилъ».

«— Какъ же это такъ? Явившись, вмѣсто 48 часовъ, черезъ восемь дней?»

«— Я, ваше превосходительство, занятъ каждый день на службѣ въ теченіе 6-ти часовъ. Вы изволили мнѣ разрѣшить

отпускъ на 48 часовъ. Шестью восемь — сорокъ восемь... Вотъ я и явился».

— Этотъ остроумный чиновникъ былъ, очевидно, статистикомъ? — сказалъ я.

— Конечно! — воскликнулъ Сергѣй Петровичъ. — Такой остроумный выходъ изъ положенія могъ придти въ голову только статистику.

Марья Ивановна молча встала изъ-за стола и пошла за перегородку. Черезъ нѣсколько секундъ оттуда послышались ея сдержанныя рыданія.

Я всталъ и взялся за шляпу. Я чувствовалъ, что если я останусь еще хоть на минуту, я наговорю статистику невѣроятныхъ дерзостей. Не обращая на меня никакого вниманія, Сергѣй Петровичъ побѣждалъ тоже за перегородку, откуда доносились уже не подавленные рыданія, а плачь.

Но плачь этотъ прекратился, какъ только раздался его голосъ:

— Успокойся, Маруся. Не плачь, пожалуйста. Ты подумай: когда человѣкъ плачетъ, сердце его дѣлаетъ на 20 ударовъ больше въ минуту. Это выходитъ 1200 лишнихъ ударовъ въ часъ. Если ты будешь плакать въ теченіе часа, твое сердце вытолкнетъ, считая по 6 лишнихъ унцовъ крови на каждый лишній ударъ, ровно на 7200 унцовъ крови больше противъ нормальнаго. А если принять...

Въ жизни своей я не слышалъ пощечины, болѣе звонкой, чѣмъ та, которая прозвучала за занавѣской и остановила моментально фонтанъ статистическаго краснорѣчія.

Влад. Азовъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Russica.

„Новое Время“ иронически рассказываетъ, что порядочнымъ людямъ, нуждающимся въ вагонахъ, прямо пора бы въ петлю лѣзть, но спасаютъ ихъ „злоупотребленія“:

Вотъ какой сквернѣйшій анекдотъ на эту тему рассказалъ мнѣ одинъ городской голова. Понадобился для города какой-то пищевой продуктъ. Подали, куда слѣдуетъ, ходатайство о вагонахъ. Проходитъ недѣля, другая, третья—ни отвѣта, ни привѣта. А товаръ нуженъ до зарѣзу. Мѣстныя газеты ругаютъ голову ругательски. Наконецъ, его надушилъ одинъ маленькій человѣчекъ. „Хотите, говоритъ, достану вамъ вагоны немедленно, только самый пустякъ придется накинуть на каждый вагонъ?“ Подумалъ голова, посоветовался съ управой и, „въ виду крайней необходимости“, рѣшилъ „накинуть“.

— Ну, и что же?

— Черезъ четыре дня получили весь товаръ. А черезъ недѣлю послѣ того, какъ весь товаръ былъ уже распроданъ, изъ Петрограда получился отвѣтъ, что, къ сожалѣнію, вагоновъ намъ сейчасъ никакъ нельзя дать...

Какъ устарѣли эти двѣ строки:

Ты скажи мнѣ гадина,
Сколько тебѣ дадено?..

Не гадина это теперь, а благодѣтель, прядь волосъ котораго нужно всю жизнь на груди въ золотомъ медальонѣ носить...

А вотъ и другой случай, „изъ той же оперы“. Ушелъ у меня управляющій имѣніемъ и занялся скупкой сѣна въ окрестностяхъ для отправки въ Петроградъ.

— Что же, вы получили разрѣшеніе на вагоны? — спрашиваю его.

Рис. А. Р.

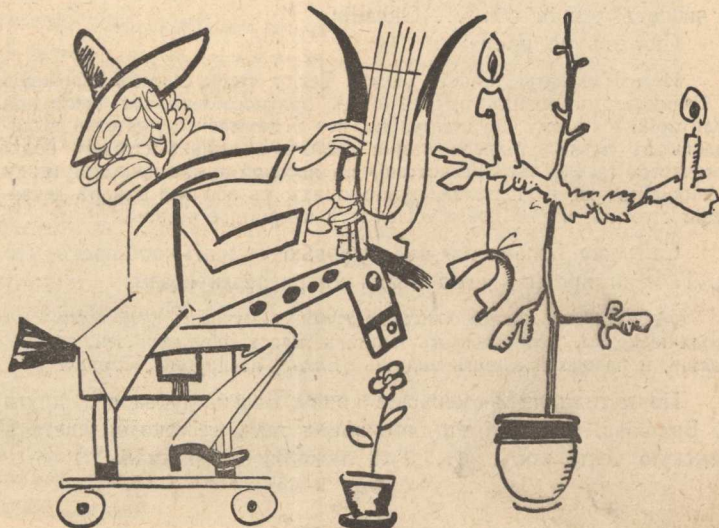

Рис. В. Л.

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ.

— Что это у тебя — кровь из носу идет?

— Да! я сейчас получил пощечину и рѣшил смыть ее кровью!!

— Нѣтъ, я и не просил. Куда там ѣздить да хлопотать. А я просто купил „наряд“ на вагоны. Здѣсь у нас на станціи недорого продаются.

— Какъ вамъ, — говорю я, — не стыдно, вѣдь эти вагоны вы, можетъ быть, у нашей арміи отняли?

— Ничуть не у арміи, а у Нѣмца Киндермана. Потому что, еслибъ я не купилъ „наряд“, такъ онъ бы его приобрѣлъ. А онъ вывозитъ мѣдный ломъ, яко бы въ Швецію. Такъ что я еще патриотичное дѣло сдѣлалъ, перебивъ у него вагоны...

Такимъ образомъ, впервые, вѣроятно, нѣмецъ былъ побѣжденъ неслыханнымъ оружіемъ — взяткой.

Во время.

Бальмонтъ разѣзжаетъ въ настоящее время по Сибири и читаетъ лекціи объ ... Океаніи.

Сюжетъ по времени.

Нельзя сказать, пишетъ „Омск. Тел.“, чтобы способъ изложенія г. Бальмонтомъ своихъ мыслей былъ приспособленъ для пониманія аудиторіи, и потому неудивительно, что недоумѣніе слушателей выливалось въ смѣхъ. Манера чтенія своихъ и чужихъ стиховъ поэта отличается такой всеобразностью, къ которой нужно привыкнуть; у большинства же слушателей, привыкшихъ къ обычной манерѣ декламации стиховъ, чтеніе поэта вызываетъ неприятное чувство.

Самъ же Бальмонтъ въ интервью съ нимъ сообщаетъ, что въ Тюмени противъ него очень интриговали козлы:

„Афиши мои наклеивались на тумбахъ мучнымъ клейстеромъ, и бродячіе козлы, которыхъ въ Тюмени масса, обѣдали эти афиши. Ѣдешь, и на одной афишѣ видишь „Биль“, на другой „Монтъ“.

Не мстили ли Тюменскіе козлы Бальмонту за его друга В. Брюсова, который въ свое время такъ жестоко оклеветалъ женскую честь козъ. (...„Гдѣ лужайку сжали стѣны“.)

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Бѣдный Валентинъ Горяскій...

Вадимъ Шершеневичъ вдребезги разнесъ его стихи въ газетѣ „День“.

И вдвойнѣ — бѣдный Горяскій!..

Ибо разнесъ его г. Шершеневичъ, пустивъ въ ходъ такой русский языкъ, который даже для газеты „День“ долженъ быть въ диковинку:

г. Горяскій во вступительномъ стихотвореніи говоритъ что „если напишется удачное“, то онъ купитъ „ей“ платье и нарядное манто. Можетъ быть, для автора эти побужденія и кажутся серьезнымъ оправданіемъ того, что онъ пишетъ, но намъ кажется, что оправдывать скверные стихи тѣмъ, что надо денегъ, равносильно заявленію судьи, берушаго взятки, о томъ, что семья велика.

Въ четырехъ строкахъ, въ одной фразѣ четыре раза „что“...

Конечно, всякій имѣетъ право писать безграмотно, но это, какъ выпиливаніе по дереву, должно быть строго-семейнымъ домашнимъ занятіемъ.

Такой языкъ можетъ быть, годится на то, чтобы лизнуть имъ при надобности исподнюю сторону марки, но критиковать чью бы то ни было книгу такимъ языкомъ нельзя.

Язва войны — нищенство — принимаетъ воинству грозные размѣры...

Объявленіе:

Отъ редакціи журнала „Доброе Утро“. Къ нашимъ читателямъ-подписчикамъ.

Въ это тяжелое время — время тормозящее всю жизнь, все стремленіе къ наукѣ и особенно къ воспитанію дѣтей и юношества — Педагогическій Совѣтъ „Доброе Утро“ обращается къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой — оказать намъ и нашему журналу поддержку — вашей любезной (!) подпиской на нашъ журналъ.

...Открывая подписку, горячо просимъ Васъ помочь намъ въ это тяжелое для редакціи время.

...Еще разъ убѣдительно просимъ Васъ откликнуться на нашъ призывъ.

...Просимъ возобновить и подписаться на нашъ журналъ возможно скорѣе.

Очевидно, этому „Доброму Утру“ уже пришла пора пожелать „спокойной ночи“.

„Подписывайтесь какъ можно скорѣе!“

Такъ торопятъ горничную, которая побѣжала въ аптеку за подушкой съ кислородомъ для больного...

Послѣднее это средство — кислородъ...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Кирочн. — Самуилу К. — Герой вашего разсказа Куницкій, у котораго „пара черныхъ провинцальныхъ глазъ вѣнчала сухую породистую голову“, имѣлъ по вашимъ словамъ „три милліона капиталу“...

Что стоило бы ему дать вамъ изъ этихъ денегъ тысячъ сто — чтобы вы только не писали...

Глобусу. — Откровенность Глобуса должна привлечь къ нему всѣ сердца: „Не знаю, понравятся ли вамъ мои разсказы, но (?) такъ какъ писать вашъ Аверченко, можетъ написать всякій дуракъ“.

Оказывается — не всякій.

Вы, напримѣръ, не такъ пишете. Хуже.

Б. Провинція.

Кіевъ. — Дядь Джону. — Специальность дяди Джона — разведеніе пресмыкающихся:

Роса ужъ пала на поля,
Сырая стала ужъ земля
Уже давно затихъ весь міръ
Давно молчитъ ужъ птичекъ клиръ.

Конечно, ужъ — гадина безвредная, но большое количество ужей въ стихахъ безвозвратно погубить васъ.

И другія стихотворенія шероховаты:

Понравится Аксюткѣ чтобъ,
Онъ выбивалъ ногами дробь...

И имя вульгарное и танецъ.

Было бы изящнѣе сказать такъ:

Чтобы понравится Марго,
Онъ танцовалъ предъ ней танго.

Смыслъ тотъ же — а какъ красиво!

Павловскъ. — Майзелю. — „Если стихотвореніе длинно, сдѣлайте изъ него отрывки. Вообще, полагаюсь на ваше усмотрѣніе. Если не подходитъ — пошлите его въ другой журналъ...“

Не стѣсняйтесь, молодой человѣкъ, будьте, какъ дома.

Ave.

ДОБРЫЕ САТИРИКОНЦЫ ОСЫПАЮТЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1916 ГОДЪ ПОДАРКАМИ.

(Символическая картина.)

4-й годъ
изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

4-й годъ
изданія

на 1916 годъ

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ И ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата.

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ **3** **БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, меткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателей, какъ пельканы о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отряваютъ лучшіе куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагается:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ. 2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать). 3. СПИРИ-

ТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны. Позволимъ себѣ только привести дѣльное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ — такого авторитета, какъ Гриббодовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой.

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

Подписная цѣна безъ доставки 6 р. 80 к., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 70 коп. За границу: на годъ 12 р., на 1/2 года 6 р., на 3 мѣс. 3 р., на мѣс. 1 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 мая 2 р., къ 1 июля и 1 сент. по 1 р. 50 к. ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ 2 р. и сѣмью, каждое число по 50 к. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невск. пр., 88 Тел. 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко. Издатель: Т-во „Нов. Сатириконъ“.

**АВТО-ШИНЫ
ЕЛКА
ТРЕУГОЛЬНИКЪ**